

ТАУ ВИНСЕНТ И ЕГО ЦЕРКОВЬ

1888 год принес миру много интересного и значимого.

Лондон потрясли убийства Джека-Потрошителя.

Генрих Герц в Карлсруэ доказал реальность электромагнитных волн.

Джон Данлоп запатентовал в Белфасте накачиваемую воздухом велосипедную шину.

В Лондоне была сделана одна из старейших сохранившихся звукозаписей на усовершенствованный фонограф Эдисона — оратория Генделя «Израиль в Египте», исполнявшаяся хором из 4000 голосов на фестивале в Хрустальном Дворце.

В Москве К. С. Станиславский и А. Ф. Федотов организовали Общество искусства и литературы, а А. Чехов написал подчеркнуто отстраненный и хроникальный, но леденящий душу посильнее романов о привидениях рассказ «Спать хочется».

Для исследователя эзотерической традиции и истории оккультных учений в Европе интереснее, конечно, узнать, что в этот год также близилось к завершению формальное объединение уставов Мемфиса и Мицраима, начало которому было положено волей и словом великого Джузеппе Гарибальди в 1881 г. Сам он умер на острове Капрера 2 июня 1882 г., оставив только планы по соединению, которые претворяли в жизнь уже его преемники на посту Великого Командора Пессина и Яркер. Окончательно единый Устав Мемфиса-Мицраима был сформирован в 1889 году.

В Пенджабе в это время выдающийся английский теолог Генри Джозайя Уимпер выпускает книгу «Религия франкмасонства», в которой впервые ставит ребром вопрос об изначальной вероисповедной основе Братства — христианский ли у масонства фундамент или, как он выражался, «космополитический», то есть основанный на Заповедях Сыновей Ноя и, соответственно, межконфессиональный и даже деистический. Честно признаться, общепринятого ответа на этот вопрос с тех пор так и не появилось в масонской или масоноведческой среде.

В это же время впервые встретившиеся в Париже в 1884 году Огюстен Шабосо и Жерар Анкос, опознавшие друг в друге посвященных традиции Сен-Мартена, пришли к выводу о необходимости создания особой посвянительной организации этого мистического направления. К 1888 г. они составили проект учредительной конституции Ордена Мартинистов, принятый на вооружение созданным в 1890 г. первым его Верховным Советом. Также в 1888 г. впервые увидел свет журнал «Инициация», которому было суждено на многие годы стать ведущим мартинистским печатным изданием.

И в тот же год, работая в Орлеанской библиотеке, антиквар и хранитель библиотеки масонского Великого Востока Франции Жюль Дуанель сделал среди полузабытых фондов главное открытие своей профессиональной карьеры и совершил самое выдающееся из деяний в своей эзотерической биографии. К сожалению, из всех доступных источников только один, да и то не особенно заслуживающий доверия, указывает, что это произошло летом. Остальные хранят молчание и не позволяют датировать событие более точно.

Жюль-Бенуа Станислас Дуанель дю Валь-Мишель (1842 — 1903) много лет посвятил мистическим практикам в духе набравшего в то время популярность спиритизма и утверждал, что неоднократно становился свидетелем явления в этот мир феномена женской ипостаси Божества, а также что ему предначертано возратить ее культу должное влияние и уважение. С некоторой натяжкой можно сказать, что в откровениях Дуанеля, спроецированных на наше беспокойное время, можно увидеть первые структурно оформленные предпосылки псевдокатарской концепции М. Бейджента и Р. Ли, столь широко популяризированной во всем мире Дэном Брауном и его «Кодом Да Винчи».

В Орлеанской библиотеке Дуанель обнаружил оригинал документа, датированный 1022-м годом, за авторством каноника Стефана Орлеанского, школьного учителя и предшественника катаров, впоследствии казненного. Проникнувшись трагической историей движения катаров и его глубокой гностической философией, Дуанель приступил к систематическому изучению гностических и парагностических ересей Средневековья, все более убеждаясь в истинности этого религиозного учения, если принимать за основу гипотетическую общность философских и теологических положений разных религиозных групп этого направления.

То ли в нашей реальности, то ли в параллельной реальности его мистического опыта (истории это достоверно не известно), однажды ночью в том же году Дуанелю явился в видении Эон Иисус, который при помощи двоих богомильских епископов рукоположил библиотекаря в священники и миропомазал его в сан Епископа Монсегюра и Примаса Альбигойского. В наш циничный век можно по-разному относиться к такого рода информации, однако необходимо признать, что ни дух, ни буква повествования ни в чем здесь не отличаются от любых других историй создания религиозных учений любого рода и вида.

Продолжая работать в русле спиритической традиции, Дуанель приступил к налаживанию постоянных контактов с катарскими и иными гностическими учителями веры, в чем немало преуспел, по мнению современников-теософов. Его сеансы посещали как самые заметные фигуры европейского оккультного Ренессанса, звезды духовно-эзотерических салонов Парижа и Лондона, так и десятки рядовых масонов, теософов и спиритов, составлявших питательный бульон — где действительно в эти годы размножились и разрослись клетки Западной эзотерической традиции, со временем распространившейся далеко за пределы кафе Монмартра и Сохо и гостиных Обсерватуар и Белгравии.

К 1890 году религиозное учение, транслированное Дуанелю средневековыми ересиархами потребовало организационного оформления. По-другому и быть не могло в Париже тех лет, где оккультные кружки и эзотерические организации плодились с астрономической скоростью, хотя в них входили, в основном, одни и те же люди, каждому из которых требовалось собственное поле для деятельности, где его авторитет был бы неоспорим. Дуанель объявил этот год началом Эры Возрожденного Гнозиса и принял сан Патриарха Вселенской Гностической Церкви под именем Валентина II в честь великого религиозного учителя II в. н. э. Тогда же была проведена хиротония первых гностических епископов (и софий, как именовались первосвященники-женщины) из числа друзей и единомышленников Патриарха. Все они взяли себе новые имена, первой

частью которых обязательно являлось слово «Тау» - символ тау-образного Креста, египетского Анкха, ставшего эмблемой гностического исповедания и духовного христианства. В число этих первых иерархов Гностической церкви вошли:

Жерар Анкос (Папюс), Тау Винсент, Епископ Тулузский;
Поль Седир (Ивон ле Луп), Тау Павел, Кoadьютор Тулузский;
Люсьен Шамуэль (Мошель), Тау Вардисан, Епископ Ла Рошели и Санта;
Луи-Софрон Фугэрон, Тау Софроний, Епископ Безье;
Альбер Жоне, Тау Феодот, Епископ Авиньона;
Мари Шовель де Шовени (Эсклармонда), София Варшавы;
Леон-Эжен Жозеф Фабр Дез Эссар, Тау Синезий, Епископ Бордо.

Имя Тау Иоанна впоследствии носил Жан Брико, друг Папюса и мартинистский реформатор, пошедший по пути жесткой привязки духовной традиции мартинизма к ритуалистике и догматике германско-тамплиерского масонства Виллермоза. Надо сказать, что сам Дуанель вскоре с радостью вошел в Орден Мартинистов Папюса и был введен в состав его Верховного Совета. Как уже говорилось, члены эзотерических организаций активно поддерживали друг друга и участвовали в предприятиях друг друга с неспадающей энергией. Особенно ярко это продемонстрировал сам Папюс.

По мнению современных исследователей (Т. Аригюон), «Гностическая церковь Дуанеля объединила теологические доктрины Симона Мага, Валентина и Марка... с приобщениями святых тайн, ведущими свое начало от Катарской церкви и выразившимися в ритуалах, которые были сформированы под влиянием Римско-католической церкви. В то же время Гностическая церковь представляла систему мистического масонства». В некоторой степени можно считать предшественницами Гностической церкви Дуанеля вероисповедные европейские кружки и группы прошлых лет, носившие названия «Элиатская церковь Кармеля», «Работа Милосердия», «Иоаннитская Церковь Первоначальных Христиан» и др. «Иоанновская» духовная традиция в религии появилась не вчера, и ее последователи оставили довольно обширное наследие как в области источников, так и в сфере организационного созидания.

В этой связи хотелось бы в особенности выделить монументальную фигуру Жерара Анкоса — Папюса, чье наследие в самых разных эзотерических сферах так до конца и не оценено современными исследователями. В основном, внимание уделяется его «Учению и ритуалу высшей магии», действительно значимому труду, однако наполненному, наряду с действительно вдохновенными прозрениями и детально проработанными данными из серьезных источников, также и многочисленными заблуждениями, порожденными как эпохой в целом, так и пылкой натурой самого Папюса. Поэтому практически каждый второй специалист, упоминая Папюса, обязательно говорит о его «неоднозначной репутации» как эзотерика и ученого. А между тем лишь волей Папюса, его неумной энергией и обширным кругом знакомств увидел свет феномен беспрецедентной популяризации оккультных учений в Европе. На этот счет могут существовать различные мнения, многие вполне законно могут осудить великого француза за ничем не прикрытое метание бисера и введение этого метания в общепринятую среди

окультистов практику. Но остается вопрос: выжила бы ли и сохранилась в Европе тяга к исследованию темных материй Духа на протяжении страшного XX века, если бы не он?

За свою недолгую жизнь (51 год) Папюс успел стать членом нескольких эзотерических братств, возглавить их или создать: это и Каббалистический Орден Розы и Креста, и Орден Мартинистов с внутренним Орденом Избранных Коэнов, Гностическая церковь (Вселенская и Французская), Объединение орденов Древнего и Изначального Устава Мемфиса и Мицраима, Орден Восточных Тамплиеров, - хотя он так и не вошел в какую-либо ложу «официального» масонства.

Главным делом его жизни, что совершенно не удивительно, был и оставался его собственный мартинистский путь, который он проложил меж Сциллой, Харибдой и неназванным третьим чудовищем (если стараться уложить реальность в избитую метафору). Мартинистское учение дошло до нашего времени в трех основных изводах, если не взаимоисключающих, то, по крайней мере, весьма непростых для любого исследователя, пытающегося найти между ними нечто общее.

Наследие Мартинеса Паскуалиса — духовидческая традиция Избранных Коэнов — призывает напрямую общаться с духовными сущностями и просить их наставления.

Наследие Луи-Клода де Сен-Мартена — Путь Сердца — свидетельствует о единственном доступном пути воссоединения с Изначальной сущностью Первочеловека посредством внутреннего молчаливого самосовершенствования и молитвы.

А наследие Жана-Батиста де Виллермоза — путь Исправленного Шотландского Устава — лежит в области традиционного масонства.

И Папюс умудрился соблюсти Золотую середину, создав тот современный мартинистский орден, который в разной степени включает в себя все перечисленные выше свойства, на основе их синтеза создав собственный мощный эгрегор, питающий своих посвященных духовными силами. Естественно, что он стремился включить в сферу своего эгрегора максимальное количество своих знакомых и друзей и так или иначе обратить на пользу своему любимому детищу любимые детища своих друзей. На тему Гностической церкви он написал очень мало, несравнимо мало относительно количества работ на иные эзотерические темы. Зато мартинизм и иллюминизм в масонстве занимали весь его ум — и может быть, именно поэтому во время своего эпического путешествия в Россию он произвел впечатление настоящего пассионария и пророка на петербургский высший свет. Именно с Папюсом связывают наполовину мифическую «дворцовую мартинистскую ложу», в которую якобы входила правящая чета Романовых. Членство в мартинистских ложах нескольких приближенных царской семьи и великих князей, впрочем, доказано документально.

В 1907 году фактически под давлением Анкоса Жан Брико основал собственное отделение Гностической церкви, чья структура и доктрина были ближе к Римско-католической церкви, чем к катарской. Дуанель, Брико и Анкос были мартинистами, поэтому и назвали свое отделение Гностической Католической Церковью, правопреемницей Гностической церкви Дуанеля, Кармелитской Церкви Вентра и Иоанитской Церкви Фабра-Палапра, официальной церковью Ордена Мартинистов.

После состоявшейся 24 июня 1908 года «Международной конференции спиритуалистических уставов масонства», организованной Папюсом, Гностическая Церковь взяла себе титул «Вселенской». История ее, как история любого эзотерического общества того времени (да и любого времени), тоже сложна, ознаменована многочисленными расколами и слияниями, скандалами и примирениями, настоящими откровениями и духа и фальшивками на потребу толпы. В настоящее время около трех десятков организаций во всем мире претендуют на прямую или косвенную апостолическую преемственность от этой церкви. Их истории и хитросплетениям межцерковного диалога посвящено немало книг, из которых на русском языке пока вышел только небольшой сборник статей «Гностическая католическая церковь» (2008).

Традицию, наследие мысли человечества, века неустанных попыток великих и поэтому несчастных людей осмыслить свое место в бескрайних просторах Духа так просто забыть, так просто подвергнуть осмеянию и забросить в дальний угол, так просто отвергнуть со смехом современного циника и веселого реалиста. Этот подход распространен шире, чем можно было бы подумать, не только среди невежественной толпы, но и среди самих эзотериков. Взять для примера хотя бы отрывок из работы Ю. Стефанова о Рене Геноне, который якобы сражался с «лицемерием, разладом, вторгшимся в самую сердцевину бытия, непрекращаемым и зловещим лицедейством. А вот мэтр Папюс шагу не мог ступить без таких костюмированных балов... Словом, перерядиться в некое оккультное Пьеро, разыграть соответствующую комедию дель арте перед шкафом, внутри оклеенным золотой бумагой, в котором хранятся символы всех главных религий... Неудивительно поэтому, что когда повеление бесплотных сущностей было исполнено и Генон стал гротескмейстером новоиспеченного Ордена, Папюс с треском выставил его из всех своих золоченых шкафов...».

Ну что здесь сказать? Да, шкафы. Кому и Ковчег — ящик.

Невозможно, как известно, подтвердить факт непосредственной преемственности современных эзотерических организаций от древних герметических обществ. Однако непреходящей ценностью являются для современного человека, во-первых, сам факт сохранения памяти о великих древних исследователях Неведомого в трудах и мыслях современных эзотериков, а во-вторых, интерпретация ими идей и доктрин своих легендарных предшественников в свете современных представлений о строении мира и человека.